

Чу
Борщ
584
У-Р
665/-

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ УССР
КИЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ А.М.ГОРЬКОГО

На правах рукописи

БОРЩ Эмилия Григорьевна

КАТЕГОРИЯ ЛИЦА ГЛАГОЛА В СОВРЕМЕННОМ
УКРАИНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ /ПО СРАВНЕНИЮ С РУССКИМ
И БЕЛОРУССКИМ/

/Диссертация написана на украинском языке/

Специальность 10.02.02. Языки народов СССР
/украинский язык/

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Киев - 1974

НБ НПУ
імені М.П. Драгоманова



100310797

4у
Борщ

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ УССР
КИЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
имени А.М. ГОРЬКОГО

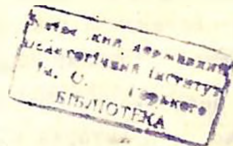
На правах рукописи

БОРЩ Эмилия Григорьевна

КАТЕГОРИЯ ЛИЦА ГЛАГОЛА В СОВРЕМЕННОМ
УКРАИНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ /ПО СРАВНЕНИЮ С РУССКИМ
И БЕЛОРУССКИМ/

/Диссертация написана на украинском языке/

Специальность 10.02.02. Языки народов СССР
/украинский язык/



А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Киев - 1974

Диссертация выполнена на кафедре украинского языка
Киевского государственного педагогического института
имени П.М.Горького

Научный руководитель - доктор педагогических наук
профессор А.П.Медушевский

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
старший научный сотрудник Института языковедения
им. А.А.Потебни АН УССР В.М.Русановский,
кандидат филологических наук доцент Н.В.Сурова

На внеапп. отзыв диссертация направлена в
Каменец-Подольский педагогический институт им.В.П.Ватсонского
/кафедра украинского языка/

Автореферат разослан "11" сентября 1974 г.
Защита диссертации состоится "13" мая 1974 г.
/в 14 час., аудитория 206/ на заседании Ученого Совета
филологического факультета Киевского государственного
педагогического института им. А.М.Горького /г. Киев,
ул. Пирогова, 9 /

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке
института

Ученый секретарь Совета

Недостаточная разработка категории лица глагола в украинском языке, спорность, противоречивость взглядов ученых на способы и средства её выражения, на её структуру и семантику выдвигают в число актуальных проблем исследование категории лица в украинском языке в её сравнении с русским и белорусским с точки зрения общности ведущих тенденций, которые определяют характер развития генетически родственных языков в советский период¹.

В реферируемой диссертации ставятся следующие задачи:

1/ показать место категории лица глагола среди других средств выражения семантики грамматического лица, их взаимосвязь и взаимодействие, разграничить понятия морфологического лица и лица синтаксического как признака предикативности, дать определение грамматической категории лица глагола;

2/ уточнить некоторые положения исследователей о способах выражения категории лица глагола в современных восточнославянских языках /в частности об "аналитической форме" лица типа "я писал"/;

3/ дать структурно-семантическую характеристику категории лица глагола в современном украинском языке /по сравнению с русским и белорусским/;

4/ описать особенности функционирования личных форм в различных стилях на основе их статистического исследования.

Источниками лингвистического анализа грамматической категории лица глагола послужили тексты художественных, публицистических произведений, а также научные и официально-деловые тексты современных восточнославянских языков /20-х - 70-х г.г. XX в./.

Для исследования частотности функционирования личных форм в стилях дополнительно проанализирован сплошной текст длиной в 600000 слов, содержащий 64518 личных форм.

Основные методы исследования - сравнительно-описательный и статистический.

Диссертация состоит из введения, трёх разделов, выводов, библиографии и четырёх приложений со списком источников, с таблицами формальных показателей лица, семантической структуры личных форм, статистических исчислений и оценок.

¹ См.: Г.П. Іжакевич, Українсько-російські мовні зв'язки радянського часу, "Наукова думка", К., 1969, стр. 291-292.

Во введении обоснована научная актуальность избранной темы, определены задачи и методика исследования.

В первом разделе рассматривается на материале восточнославянских языков понятие лексико-словообразовательного лица в именах существительных, своеобразного лексико-грамматического лица в личных местоимениях и грамматического лица в глаголах, раскрывается общая тернарная структура категории лица глагола, её содержательная и семантическая функции, разграничивается понятие грамматического /морфологического/ лица и персональности /термин А.В.Бондарко/, т.е. всех других средств выражения отношения к грамматическому лицу, которые не представляют собой системы противопоставленных форм или лексем: конструктивно-синтаксических, интонационно-синтаксических, лексических. Разграничивается также понятие морфологического лица и лица синтаксического как структурного элемента предложения, даётся определение категории лица глагола, отражающее специфику данной категории в отличие от других категорий.

Описываются формы и способы выражения категории лица глагола в восточнославянских языках: морфологический /синтетическими формами в глаголах настоящего-будущего времени; синтетическими и аналитическими формами в глаголах повелительного наклонения/ и синтаксический /сочетанием двух полнозначных слов в глаголах прошедшего времени и сослагательного наклонения/.

В современном языковании нет единого мнения о наличии и выражении категории лица в глаголах прошедшего времени. Некоторые исследователи считают, что глаголам прошедшего времени, имеющим родовые, а не личные окончания, не свойственна категория лица¹. Другие /В.В.Виноградов, И.Н.Дымарская-Бабалаян, В.М.Никитевич/ утверждают, что категория лица в глаголах прошедшего времени выражается аналитическими формами типа "я читал", в которых личное местоимение выступает неполновзначным, формальным компонентом, функционально тождественным личному окончанию глаголов настоящего-

¹ См.: Грамматика современного русского литературного языка, М., "Наука", 1970, стр. 362; М.А.Ловтобрех, Б.М.Кулик, Курс сучасної української літературної мови, ч. I, К., 1972, стр. 387; К.І.Гурскі, Граматична категорія деезлова і їх вираження ў беларускай мове, УВ кафедри літературы Мінскаго гос. педывіститута ім. А.М.Горькаго, вып. II, М., 1940, стр. 218.

будущего времени. Этот вывод вытекает из нечёткого различения аналитических форм слова, которые являются компонентами морфологических парадигмы, и аналитического способа в широком понимании термина как выражения грамматических значений на синтаксическом уровне сочетанием двух полнозначных слов.

Автор диссертации исходит из того, что категория лица является специфической и определяющей для глагола¹. Глаголы прошедшего времени в процессе исторического развития утрачивают формальное противопоставление по отношению к трём грамматическим лицам, но не утрачивают личного значения /морфологическая нейтрализация в означаящих, но не в означаемых/. Происходит перестройка структуры глаголов прошедшего времени: окончания рода и числа этих глаголов становятся морфологическими показателями связи действия с действующим лицом, т.е. их личного значения. Таким образом, значение активно действующего субъекта объединяет формы прошедшего времени /и сослаг. наклонения/ с формами настоящего-будущего времени и повелительного наклонения, а родовая парадигма прошедшего времени /и сосл. наклонения/ является составной частью полной личной парадигмы глагола. В отличие от личных окончаний глаголов настоящего-будущего времени и повелительного наклонения, окончания рода и числа форм прошедшего времени выступают морфологическими показателями их неконкретно-личного парадигматического значения, которое конкретизируется на синтаксическом уровне в сочетании с личными и неличными местоимениями, именами существительными или с помощью контекста и речевой ситуации, т.е. выражается комбинированно морфолого-синтаксическими средствами.

В результате исследования устанавливается, что личные местоимения при глаголах прошедшего времени в восточнославянских языках не утрачивают лексического значения, как и при глаголах настоящего-будущего времени, и потому не отделяются от парадигматических связей с теми личными местоимениями, которые употребляются в 6 глагольных предложениях, выступая главными членами предложения - подлежащими. Сочетанию личных местоимений с глаголами прошедшего времени не свойственен лексический и грамматический идиоматизм и синтаксическая неразложимость, поэтому личные местоимения не являются составным /формальным/ компонентом глагольной формы и не при-

¹ См.: А.А.Потебня, Из записок по русской грамматике, т. I-П, М., 1958, стр. 91.

нимают участия в реализации грамматической категории лица глагола на морфологическом уровне¹.

Второй раздел диссертации посвящён структурно-семантической характеристике категории лица глагола в украинском языке по сравнению с русским и белорусским. Характеристика структуры и семантики грамматической категории, в частности категории лица глагола, зависит от решения вопросов о количестве членов грамматической категории и характере взаимоотношений между ними, которые в современной лингвистике остаются дискуссионными.

Категория лица глагола означает отношение действия к деятелю, устанавливаемое говорящим, и выражает это отношение системой противопоставленных грамматических форм 1-го, 2-го и 3-го лица в единственном и множественном числе. Таким образом, категория лица глагола как единица языковой системы представляет собой определённое построение, которое состоит из системы противопоставленных словоформ /парадигмы/. Она включает три соотносительных члена /три ряда соотносительных форм со значением 1-го, 2-го и 3-го лица/, как и категории времени и наклонения, то есть имеет тернарную структуру в отличие от бинарных структур категорий вида, числа.

Неоднозначно решается лингвистами вопрос и о характере отношений между членами грамматической категории и соотношений общего и частного значений грамматических форм.

В данной работе общее значение грамматической формы рассматривается как такое, которое непосредственно заложено в самой форме и обусловлено противопоставлением грамматических форм в парадигме. Это значение выражается формообразующим аффиксом, поэтому наиболее обоснованным представляется определение его как парадигматического, или первичного, значения. Каждая грамматическая форма рассматривается как член оппозиции. Взаимоотношения между членами оппозиции основываются на парадигматических значениях формы. Парадигматическое значение формы — это не однородное целостное значение, а определённая семантическая структура, которая разлагается на отдельные дифференциальные семантические признаки /ДСП/². Семантическая структура каждой личной формы определяется

¹ Критерии выделения аналитической формы слова см.: М.И. Гухман, Глагольные аналитические конструкции, сб. Вопросы грамматического строя АН СССР, М., 1955, стр. 827; О.И. Москальская, Устойчивые словосочетания с грамматической направленностью, ВЯ, 1961, № 5, стр. 87-98; Сб. Аналитические конструкции в языках различных типов, М.-Л., 1965.

² См.: Исследования Д.С. Часлова, Е.В. Чешко, А.В. Бондерко.

выражением или невыражением / в прямом употреблении / четырёх ЛСП: участие говорящего /Г/, участие адресата /А/, участие субъекта вообще /С/, расчленение /Р/.

Органическая взаимосвязь категории лица глагола с категориями времени и склонения определяет состав полной личной парадигмы, в которую входят три частные личные парадигмы / I - настоящего-будущего времени, II - прошедшего времени и условного склонения, III - повелительного склонения /^I, и обуславливает специфические комбинации семантических признаков, характерные для личных форм в пределах каждой частной личной парадигмы (см. ниже таблицу I/.

Семантическая структура каждой личной формы является её семантическим потенциалом², который полностью реализуется в прямом употреблении формы / парадигматическая оппозиция продолжает существовать на синтагматическом уровне /. В нейтральном контексте форма выявляет свое парадигматическое значение: "Живи правдою... Чувствуй? - Чувствуй, тату! / Ю. Сбанацкий /. То же самое в русском и белорусском. Если контекст уточняет парадигматическое значение формы, возникают варианты парадигматического / первичного / значения. Так, лексическое значение имён существительных, с которыми сочетаются глагольные формы 3-го лица ед. и мн. числа и формы прошедшего времени, определяет также семантические варианты парадигматического значения названных форм, как собственно-личное и предметно-личное / внешняя лексическая обусловленность /: "Чоловік стоїть"; "Поїзд стоїть"; "Чоловік стояв"; "Поїзд стояв". Грамматические значения 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа форм прошедшего времени также являются вариантами их парадигматических значений, так как конкретизируются в сочетании с личными местоимениями: "Я сіяв"; "Ти сіяв"; "Ми сіяли". Лексическое значение глагола / внутренняя лексическая обусловленность / или структура безличного предложения / структурная обусловленность / определяют также варианты парадигматического значения форм 3-го лица ед. ч. и среднего рода, как безличное значение: "Світає"; "Віє"; "Снівало"; "Віяло". В структурах обобщённо-личных и неопределённо-личных предложений выявляются также семан-

¹ Ср. В.М. Русанівський, Структура українського дієслова, "Наукова думка", К., 1971, стр. 240.

² См.: А.В. Бондарко, Общие и частные значения грамматических форм / на материале категорий времени и вида в русском языке /, ВЯ, 1968, стр. 91.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЛИЧНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ
 ФОРМ И ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕННИЙ, СОЧЕТАЕМОСТЬ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ
 С МЕСТОИМЕННИМИ¹

Пара- дигмы	Лицо /род/	Глагольные личные формы			Д С П		
		Укр.	Русск.	Белор.	Г	А	С
Настоящее-будущее время	1 ед.	сію	сею	сею	+	-	0
	1 мн.	сіемо	сеєм	сеєм	+	ґ	0
	2 ед.	сіеш	сеєшь	сееш	-	+	0
	2 мн.	сіете	сеете	сеєце	-	+	0
	8 ед.	сіє	сеєт	сеє	-	-	ґ
	8 мн.	сіють	сеють	сеюць	-	-	0
Прошедшее время и составительное накл.	м.г.	сіяв	сеял	сеял	ґ м	ґ м	+ м
	ж.р.	сіяла	сеяла	сеяла	ґ ж	ґ ж	+ ж
	о.р.	сіяло	сеяло	сеяла	/ґ с/	/ґ с/	ґ с
	мн.	сіяли	сеяли	сеяли	ґ	ґ	0
Довлеительное наклонение	инклюв формы.	-	будем сеять! пойдем	хадзем	+	+	0
	1 мн.	сіймо	будете сеять! пойдете	сейма	+	+	0
	2 ед.	сій	сей	сей	-	+	0
	2 мн.	сійте	сеите	сеєце	-	+	0
	8 ед.	хай сіє	пусть сеєт	няхай сеє	-	-	ґ
	8 мн.	хай сіють	пусть сеють	няхай сеюць	-	-	0

¹ В диссертационной работе таблица 3.

Таблица 1

Личные местоимения			Д С П			
Укр.	Русск.	Белор.	Г	А	С	Р
я	я	я	+	-	0	-
ми	мы	мы	+	‡	0	+
ти	ты	ты	-	+	0	-
ви	вы	вы	-	+	0	+
він, вона, воно	он, она, оно	ён, яна, яно	-	-	+	-
вони	они	яны	-	-	0	+
я, ти, він	я, ты, он	я, ты, ён	<p>Обозначения:</p> <p>Г - участие говорящего;</p> <p>А - участие адресата;</p> <p>С - участие субъекта во фце;</p> <p>Р - расчленение;</p> <p>+ ДСП выражается;</p> <p>- ДСП исключается;</p> <p>‡ ДСП может выражаться и может исключаться;</p> <p>‡ возможность выражения признака ограничена определенными условиями;</p> <p>0 ДСП имплицитно выражена в форме.</p>			
я, ти, вона	я, ты, она	я, ты, яна				
/я, ти/ воно	/я, ты/ оно	/я, ты/ яно				
ми, ви, вони	мы, вы, они	мы, вы, яны				
/ми/	/мы/	/мы/				
/ми/	/мы/	/мы/				
ти	ты	ты				
ви	вы	вы				
він, вона, воно	он, она, оно	ён, яна, яно				
вони	они	яны				

тило-синтаксические варианты парадигматических значений личных форм, как обобщенно-личное и неопределенно-личное: "Що посьеж, те й пожнеш"; "На Одежяні вже сіють". То же самое в русск. и белор.

Парадигматическое значение не охватывает целиком те значения, которые возникают при переносно-употреблении формы. При транспозиции парадигматическое /первичное/ значение изменяется под давлением контекста и возникают синтагматические /вторичные/ значения формы. Следовательно, парадигматическое /первичное/ значение беднее суммы тех функций, которые выполняет форма в разных условиях употребления. При регулярном переносном употреблении члены грамматической категории могут утрачивать ДСП, которые их различают, и сближаться по значению: "І люблю, коли березовий сік накрапає із жолобка, він так гарно вистукує "тьоп-тьоп", що неодмінно завернеш до нього і присядеш навпочіпки" /М.Стельмах/. Ср. возможность замены: "... що неодмінно заверну... і присяду...". То же самое в русск. и белор. Синтагматическое значение одной формы /2-го л.ед.ч./ сближается с парадигматическим значением другой /1-го л.ед.ч./, и возникает контекстуальная грамматическая синонимия как результат нейтрализации оппозиций грамматических форм на синтагматическом уровне¹. Контекстуальная грамматическая синонимия грамматических форм обусловлена их семантической структурой. Транспозиция грамматических форм является одним из средств реализации их синтагматических значений как члена оппозиции², когда грамматическое значение формы используется для решения стилистического задания.

Далее в диссертации рассматривается семантическая структура личных форм каждой частной личной парадигмы /см. выше таблицу 1/. Парадигма настоящего времени состоит из шести личных форм. Формы 1 и 2-го лица ед. и мн. ч. различаются по признакам "участие /неучастие говорящего" и "участие /неучастие адресата": формы

¹ См.: Е.И.Шендельс, Понятие грамматической синонимии, ИДВШ, Филологические науки, 1959, № 1, стр. 81; С.Ф.Василенко, Нейтрализация оппозиций и грамматическая синонимия, Филологический сборник, вып. 6, Алма-Ата, 1967, стр. 245-254.

² См.: И.П.Иванова, К вопросу о грамматической синонимии, в кн. Исследования по английской филологии, Сб.П., № 119, 1961, стр. 85.

"сію, сіємо" виражають участие говорящего, формы "сію", "сіете" исключают участие говорящего и выражают участие адресата. Признак "участие говорящего" объединяет формы 1-го лица ед. и мн.ч., различаются эти формы выражением/невыражением расчленения, а также возможностью выражения участия адресата для формы 1-го лица мн.ч. Признаки "участие адресата" и "неучастие говорящего" объединяют формы 2-го лица ед. и мн. ч., различаются эти формы по выражению/невыражению расчленения. Формы 3-го лица ед. и мн. ч. /сію, сіють/ отличаются от форм 1-го и 2-го лица ед. и мн.ч. по признакам "неучастие говорящего" и "неучастие адресата" и объединяются по этим признакам, различаются формы 3-го лица ед. и мн. ч. по выражению/невыражению расчленения, а также возможностью невыражения субъекта для формы 3-го лица ед. ч. /вію, віють/.

Парадигматическое значение формы 1-го лица ед. ч. определяется участием говорящего, который является субъектом действия. Обобщенно-личное значение формы 1-го лица ед.ч. является вариантом её парадигматического /прямого/ значения, так как в роли обобщенного субъекта выступает говорящий: "Б"юся, як риба об лід", ср. "Мислю - следовательно существую"; "Чужу бяду руками раб'ячу". Регулярное переносное употребление не свойственно форме 1-го лица ед. ч., но встречается occasionally при конкретном применении пословиц с обобщенно-личной формой 1-го лица ед.ч., напр.: " - От не вірять, дочко, до недужий. Другий тиждень лежу... Марійка адивувалася: батько спра:ці покашлював ці дні, але з учора ввечері ходив до мілина, а повернувшись, перекидав сію у вагні. - Забув, до недужий, та й сію, - витер ганок в чола піт /в хаті жарко, пекли хліб/ Темля. - Ви нам бже надобності. Давайте ключі й лежіть собі" /Ю.Мунякети/. Ср. "Забув, до недужий та й сію..."

Парадигматическое значение формы 1-го лица мн.ч. определяется такими ДП: форма выражает участие говорящего, расчленение и не исключает участия адресата. Парадигматический потенциал формы 1-го лица мн.ч. реализуется в следующих вариантах значений: 1/ форма обозначает участие говорящего и других лиц, состав которых не конкретизируется, когда говорящий выступает от имени обобщенного коллектива; 2/ участие говорящего и адресата или адресатов; 3/ участие говорящего и третьего лица или лиц; 4/ обозначает только участие говорящих в случаях коллективных деклараций, ответов или

посланий.

Вариантом парадигматического /прямого/ значения формы 1-го лица мн.ч. является обобщенно-личное, когда действие относится ко всем вообще и к говорящему в том числе: "Что ж - поживемо, побачимо", ср. "Что имеем, не храним, - потерявши, плачем"; "Что живи, то вучимся".

Форма 1-го лица мн.ч. выступает контекстуальным морфологическим синонимом к другим личным формам, отличаясь стилистической окраской: 1/ важности, достоинства говорящего или стыдливости, замешательства, угодливости и др. при употреблении вместо формы 1-го лица ед.ч.; 2/ сочувственного обращения, прямого или иронического, при употреблении вместо форм 2-го лица ед. и мн.ч.; 3/ иронией или сатирическим разоблачением при употреблении вместо форм 3-го лица ед. и мн.ч. Например, вместо 1-го лица ед.ч. /Оксен-батьку/ - Ви говоріть, та знайте міру. - Внаву. Стой портфель у Гната віднімуть та віддадуть розумнішому. А тобі скажу: сам горобець - а десяток зграя... /Г.Тютюник/; ср. " - Уханов, поляком вперед - я узнатъ. Эта ли воронка, черт её знает.. - Похоже она, лейтенант. - Проверь, будем ехать здесь... - Узнаем, лейтенант" /Ю.Бондарев/; "Нампаліт зайшоу. Пятаєцца: "Ето вы, Вішнѣ, будзеце рабіць у казарме, калі таважны пойдучъ гуляць у горад?" - А мы - сэрбан! палітнікі..." /И.Гранович/.

Парадигматическое значение формы 2-го лица ед.ч. состоит из таких ДОП: выражение участия адресата, который является объектом действия, исключение участия говорящего, невыраженное расчленения. В прямом употреблении форма 2-го лица ед.ч. относится действие к конкретному адресату или обобщенному, выявляя во втором случае вариант парадигматического /перичного/ значения - обобщенно-личное: "Слова до справи не піднімає" /Посл./; ср. "Потеряного времени не воротить" /Посл./; "Глибей узарєн - болей збарєн" /Посл./.

Форма 2-го лица ед.ч. может употребляться вместо форм 1-го и 3-го лица ед. и мн.ч., выявляя синтагматические /вторичные/ значения, синонимические к парадигматическим /перичным/ значениям названных форм. Например, вместо формы 3-го лица ед.ч.: "Комерчі бачив, що дочку вже не переконав" /П.Гуринович/; ср. "... що дочку вже не переконав"; Ср. "Она ежедневно писала откритки матери в Пензу, писала, что погода стоит чудесная и весь день проводила на берегу моря" /В.Лядин/; ср. "... и весь день

она проводит на берегу моря"; "Ганя абрадавася. І таму, што будзе жыць адна, сама сабе, і што за акном куст бэзу. Абрядло ўсе такое, калі ты залезыш ад іншых, ад іх хацення" /И.Грамович/; ср. "... калі яна залезыць ад іншых, ад іх хацення".

Выступая контекстуальным морфологическим синонимом к форме 3-го лица ед.ч., форма 2-го лица отличается от неё стилистической окраской: изображая действие 3-го лица как типичное для всех, форма 2-го лица ед.ч. делает адресата – читателя эмоциональным участником этого действия.

Форма 2-го лица мн.ч. отличается от формы 2-го лица ед.ч. выражением расчленения: она означает участие определённого или неопределённого количества адресатов, исключая участие говорящего. Когда действие относится не к конкретным, а к любым адресатам, форма 2-го лица мн.ч. выявляет вариант своего парадигматического значения – обобщённо-личное: "Я не дуже люблюваў робату біля тэрніці... але дуже любив, як ткалось і выбілівалось полотно. Коли ви не знаєте, як наші матері білили полотно, то ви багато чого втратили" /М.Стельмах/. То же самое в русск. и белор.

Синтагматическое /вторичное/ значение формы 2-го лица мн.ч. возникает при употреблении её в качестве традиционной формы вежливости при обращении к официальным, а также чало знакомым или незнакомым взрослым лицам, чем и объясняется её стилистическая нейтральность по сравнению с другими личными формами в переносном употреблении.

Парадигматическое значение форм 3-го лица ед.ч. мн.ч., в отличие от значений форм 1-го и 2-го лица, выявляется в семантических вариантах: собственно-личном, когда действие относится к реальным лицам, и предметно-личном, когда действие относится к существам или предметам. Собственно-личное и предметно-личное значения конкретизируются в сочетании с именами существительными или другими средствами контекста: "Ні, то не дзвони плывуць, а гуде роля... Ізтыкно, опершыся ліктем на політований горіховий столик, сидить у задумі.." /И.Цюпа/; "І пойдуть. Іні і мати" /М.Стельмах/. То же самое в русск. и белор.

Парадигматический потенциал формы 3-го лица ед.ч. определяется такими ДСП: выражение участия субъекта /не говорящего и не адресата/ и невыражение участия субъекта, – то есть содержит два полярных значения – личное и безличное, – которые в украинском языке, как и в русском и белорусском, формально не различаются, в определяются в контексте: "Небо сіріє" и "Надворі сіріє";

ср. "Ветер дует" и "Дует"; "Пахла вяля" и "Пахла яблыкам!".

Собственно-личное значение формы 3-го лица ед.ч. выступает в обобщенно-личном варианте в пословицах и суждениях общего характера /"Добре говорит, а эле творить", ср.: "Мягко стелет, да жёстко спат"; "Ходзіць ціхенька, ды думае ліхенька"/, когда действие относится к любому, а не к конкретному субъекту, а также в синтагматических /вторичных/ значениях при переносном употреблении. Так как собственно-личное значение формы 3-го лица ед.ч. выявляется в сочетании с именами существительными или местоимениями, ее переносные значения тесно связаны с переносным употреблением последних: "Дркові дось спадае на думку, він каже: - А знаеш? Зараз і вгадав. - Хи. Ніби він і справді вгадав" /И.Рибокляч/; ср. "Бабушка покидала в меня одезонку. - Ступай, ступай. Бабушка худа тебе хочет! Бабушка - враг тебе" /В.Астафьев/; " - Бач ты, як лубталіўся! Мале, что п'е, грубіяніць, як хуліган, дык яшчэ і нягоднік... Учора так і карцела аперваць цябе напругай, але дякую маці, што заступілася" /И.Грамович/. Выступая контекстуальным морфологическим синонимом к формам 1-2 лица ед.ч., форма 3-го лица ед.ч. подчеркивает объективный, убедительный характер высказывания.

Анализ употреблений формы 3-го лица ед.ч. /я среднего рода/ с безличным значением дает основания для вывода о том, что безличность этих форм обусловлена чаще всего непереходностью глаголов и их предметно-личным значением. Непереходность глагола, означающая действие, не направленное на объект, замкнутое в себе, и предметно-личное значение, исключающее употребление их в 1-2 лица, содействуют развитию у глаголов безличного значения.

Безличное значение в парадигме имеют глаголы, безличность которых обусловлена лексически /укр. "Кортить"; ср. русск. "Знобит"; белор. "Шанце"/ или морфологически /"Не идаться"; "Не лежится"; "Добра працуецца"/. У большого количества глаголов безличность обусловлена структурной безличностью предложения: "Пахне зсилькам"; "Мені не чытаецься"; ср. "Вальшт водой"; "Мне падся у колодца"; "Пахне аірам"; "Як сеецца?". Независимо от того, чем обусловлена безличность глагола - его лексическим значением, морфологическим показателем /-ся/ или структурой безличного предложения - семантически предложения с такими глаголами соотносятся только с предметно-личным субъектом /велицом/. Поэтому безличные формы не могут употребляться вместо собственно-личных форм 1-2-3 лица, как

употребляются формы с обобщенно- и неопределенно-личным значением, ибо последние являются вариантами собственно-личного значения категории лица глагола. В обобщенно-личном, неопределенно-личном и безличном употреблении глаголов реализуются разные семантико-морфологические потенции личных форм. Обобщенно-личное и неопределенно-личное значения свойственны лишь тем глаголам, которые относят действию к собственно-личному субъекту, т.е. семантически связаны с категорией лица имени существительных. Безличное значение выявляется только у тех глаголов, которые семантически связаны с категорией неллица.

В противопоставлении обобщенно- и неопределенно-личных значений безличному /как и в противопоставлении собственно-личного и предметно-личного значений и обусловленному этим противопоставлением 1-2' лица 3-му/ отражается существующее в объективной действительности противопоставление человека как сознательного деятеля всем другим существам и предметам, но отражается не прямо, а опосредствованно через связь и взаимодействие с семантико-словообразовательной категорией лица /неллица имени существительных.

Противопоставление безличности и лица морфологически выражается лишь в безличных глаголах на -ся. У других глаголов безличное и личное значения противопоставляются не морфологически /для выражения безличности используются формальные показатели 3-го лица ед.ч. и ср. рода/, а семантико-синтаксически: безличное значение проявляется лишь у части глаголов с предметно-личным значением в безличных конструкциях. Поэтому, очевидно, нет оснований для определения содержания категории лица глагола как единства /взаимного противопоставления/ личности и безличности¹ и тем более определяния личности и безличности как самостоятельных грамматических категорий.

Форма 3-го лица мн.ч. отличается от формы 3-го лица ед.ч. выражением расчленения субъекта /не говорящего и не адресата/ и в связи с этим невозможность выражения безличности. Парадигматическое значение формы 3-го лица мн.ч. реализуется в семантических вариантах - собственно-личном и предметно-личном, а также в семантико-синтаксических вариантах собственно-личного значения - не-

¹ См.: В.М.Никитевич, Грамматические категории в современном русском языке, М., 1963, стр. 204; А.А.Юдин, Грамматическое содержание категорий лица глагола в современном русском языке, Вопросы теории русского языка, Рязань, 1968, стр. 56-58.

определённо- и обобщённо-личном соответственно в неопределённо- и обобщённо-личных предложениях. Напр.: "За квартирню Олі стежать" /В.Дрозд/; "Весном в селі встать рано" /Г.Тютюнник/. То же самое в русск. и белор. синтагматические /вторичные/ значения возникают тогда, когда форма 3-го лица мн.ч. употребляется вместо всех других личных форм и выступает к ним контекстуальным морфологическим синонимом, отличаюсь разнообразными стилистическими оттенками: "Та ти стій! Стій, тобі кажуть. Хоч молоко он допив би. - Мати затримує його на порозі" /И.Рябокляч/; "Он помог старушке взобраться в кабану, и она сидела рядом, тихая и робкая, может быть, боялась, что раздумает и высадит ее..." /В.Лидия/; "Прав некалькі хвілін у пакой увійшла Ніна. - Што пани хочуть?" /Г.Щербатов/.

Синтагматические /вторичные/ значения форм наст.-будущ. времени см.ниже /таблица 2/.

Парадигма прошедшего времени /и сослагат. наклонения/ состоит из трёх родовых форм и формы множественного числа. Формы прошедшего времени /и сослагат. наклонения/ объединяются по возможности выражения субъекта: говорящего или адресата, или не говорящего и не адресата /сіяв, сіяла, сіяло, сіяли/.

Различаются формы ед. и мн. числа по выражению/невыражению расчленения, а формы ед. числа - по дополнительным родовым признакам, а также возможностью для формы среднего рода невыражения субъекта действия /сітало/.

Формы прошедшего времени /и сосл. наклонения/, формально не противопоставленные по отношению к говорящему, адресату и третьему лицу, имеют неконкретно-личное парадигматическое значение, которое конкретизируется различными средствами контекста, особенно сочетанием с личными местоимениями и именами существительными. Все формы прошедшего времени могут относиться действие к каждому грамматическому лицу и поэтому выступают как формы общего лица.

Параллелизм грамматических значений личных глаголов и лексико-грамматических значений личных местоимений обуславливает их взаимодействие, которое проявляется в сочетаемости или несочетаемости тех или иных личных форм и местоимений. Семантическая структура личных местоимений совпадает с семантической структурой глаголов настоящего-будущего времени /см. выше таблицу 1/, кроме форм 3-го лица ед.ч. Глагольная форма 3-го лица ед.ч. может исклю-

Таблица 2.

Семантическая структура личных форм наст.-будущ. времени в переносном употреблении¹.

Вторичные значения	Изменение семантической структуры формы				Морфологическая синонимия	
	Г	А	С	Р	Употребляется	Вместо форм
1 мн. вместо	1 л. ед.	+	-	0	-/+	1 мн.
	2 л. ед.	-/+	+	0	-/+	
	2 л. мн.	-/+	+	0	+	
	3 л. ед.	-/+	-	+	-/+	
2 ед. вместо	1 л. ед.	+/-	-/+	0	-	2 ед.
	1 л. мн.	+/-	+	0	+/-	
	3 л. ед.	-	-/+	0	-	
	3 л. мн.	-	-/+	0	+/-	
2 мн. вместо	2 л. ед.	-	+	0	-/+	2 мн.
3 ед. вместо	1 л. ед.	+/-	-	+	-	3 ед.
	2 л. ед.	-	+/-	+	-	
3 мн. вместо	1 л. ед.	+/-	-	+	-/+	3 мн.
	1 л. мн.	+/-	-	0	+	
	2 л. мн.	-	+/-	0	+	
	3 л. ед.	-	-	+	-/+	3 мн.

0 признак выражен имплицитно
 +/-/ признак в форме не выражен, но создается контекстом
 -/+/ признак исключается контекстом, но выражен в форме

¹ В диссертационной работе фрагмент таблицы 5.

чать участие субъекта и не сочетаться с местоимениями 3-го лица ед.ч.

Глаголы прошедшего времени, которые могут относиться действию к каждому грамматическому лицу, в сочетании с личными местоимениями выражают отношение действия к 1-2-3-му грамматическим лицам в ед. и мн.ч., как и формы настоящего-будущего времени. Личные местоимения, сочетаясь с глаголами прошедшего времени, актуализируют те ДСП, которые свойственны личным местоимениям /и глаголам настоящ.-будущ. времени/. Местоимение "я" актуализирует признак "участие говорящего" и исключает признак "участие адресата": "я сіяв", "я сіяла" выражают участие говорящего и исключают участие адресата, как и глагольная форма "сію", и выражает еще дополнительный признак рода/пола субъекта, который является говорящим. Местоимение "ти" актуализирует признак "участие адресата" и исключает признак "участие говорящего", поэтому сочетание "ти сіяв", "ти сіяла" выражают участие адресата и исключают участие говорящего, как и форма "сіеш", и выражают дополнительный признак рода/пола субъекта, который является адресатом. Сочетание местоимений "я", "ти" с формами среднего рода ограничивается в украинском языке, как и в русском и белорусском, случаями персонализации предметно-личного субъекта. Местоимения "він", "вона", "воно" в сочетании с глаголами прошедшего времени актуализируют признак "участие субъекта - не говорящего и не адресата", так как исключают участие говорящего и адресата. Глаголы согласуются с местоимениями по родовому признаку: "він сіяв", "вона сіяла", "воно сіяло" выражают участие субъекта - не говорящего и не адресата -определенного рода /пола/, как и сочетание "він, вона, воно сію". В связи с тем, что формы 3-го л.ед.ч. настоящ.-будущ. времени и среднего рода прошед. времени могут выражать как участие, так и неучастие субъекта, для выражения участия субъекта необходимо их сочетание с местоимениями 3-го лица /или именами существительными/.

Местоимение "ми" в сочетании с глагольной формой прошед. времени мн.ч. актуализирует в ней признак "участие говорящего", поэтому сочетание "ми сіяли" выражает участие говорящего и не исключает участия адресата, как и форма 1-го лица мн.ч. "сіємо". Участие адресата в обоих случаях конкретизируется в контексте. Местоимение "ви" актуализирует признак "участие адресата" и ис-

ключає признак "участие говорящего: "вн сіяли"; /ср. "сіємо"/; местоимение "вони" актуализирует признак "участие субъекта - не говорящего и не адресата": "вони сіяли" /ср. "сіять"/.

Собственно-личное и предметно-личное значения форм прошедшего времени, как и форм 3-го лица наст.-будущ. времени, определяются сочетанием с именами существительными или другими средствами контекста. Таким образом, значения 1-2-3 лица ед. и мн.ч. у форм прошедшего времени являются вариантами их неконкретно-личных парадигматических значений.

Формы мужского и женского рода, не выражая и не исключая участия говорящего или адресата, в пословицах и рассуждениях общего характера выявляют вариант собственно-личного значения-обобщенно-личное: "Чи пан, чи прозав"; "Видно, що хліб пекла, бо й ворота в тісті"; ср. "Метил в лукошко, а попав ь окошко", "Что напекла, то и съела"; "Найняўся, як прадаўся".

Переносное употребление формы мужского и женского рода обусловлено транспозицией местоимений и не имеет такого регулярного характера, как переносное употребление форм настоящего-будущего времени: "- Чого реवेश, недотепо!? - розсердився начальник шпиталю. - В ляльки б ще дома бавилась, а вона на фронт побігла" /М.Стельмах/; ср. "... а ти на фронт побігла".

Безличное значение формы среднего рода, как и формы 3-го лица ед.ч. наст.-будущ. времени, выступает как полярный семантисинтаксический вариант её предметно-личного значения: "Кохання йому завжди пахло скошеною лукою" /Ю.Мушкетик/; ср. "Пахло Україною, рідним селом, домівок" /Ю.Мушкетик/; "Наталка зварила обід, але МаріЙці не їлося" /Ю.Мушкетик/; ср. "Смачне вариво ввидко їлося, бадьорило людей". То же самое в русск. и белор.

Форма прошедшего времени /и сослагат. накл./ мн.ч., как и форма 3-го лица мн.ч. наст.-будущ. времени, выявляет варианты собственно-личного значения - неопределенно-личное и обобщенно-личное - в структурах неопределенно-личных и обобщенно-личных предложений: 1/ " - А ти нічого не чув про мою тітку Василюву? - запитала Люба... - Про неї і про її голос дуже гарно в газеті написали. Хто б тільки міг подумати, що про тітку в газету напишуть" /М.Стельмах/; 2/ "Капітан засміївся уривчасто і непрямно... Сильно. Чудово. Ха-ха. Але, дорогий мій, я давно вже виріс в того віку, щоб мене в чомусь підозрівали /т.е. все, каждый/"

/Г.Тютюнник/; ср. "Я хочу, щоб в штыку приравняли перо" /В.Маяковский/; "Ба ўсім перажытым ёсць навука, Пасля ўсяго Гані стала вразумела адно: калі ў бойцы вораг быў яўны, адкрыты, узброены, яго бачылі твар у твар, то зараз, у мірную пару, яго цяжка распаянаць, нават в вока на вока" /И.Грамович/.

В сочетании с местоимением "я" форма пром. времени /я со-
слагат. накл./ мн.ч. может также выступать с обобщенно-личным
значением, но соотносительным с таким же значением формы 2-го
лица мн.ч. наст.-будущ. времени: "Мене вражала настирливість
моря. Де б я не йшли, воно завжди синіло між будинками і в кін-
ці вулиці" /В.Яновский/. То же самое в русск. и белор.

Форма пром. времени мн.ч., как и форма 3-го лица мн.ч.
наст.-будущ. времени, продуктивна на синтагматические /вторич-
ные/ значения. Она выступает контекстуальным морфологическим си-
нонимом к формам 1-го лица ед.ч., 2-го лица ед. и мн.ч., 3-го
лица ед.ч., отличаюсь разнообразными стилистическими оттенками:
"Коли так, то і я починав посміхатис, де я докірливо похльгувати
головам, щоб дядька Никола не дуже думав, що йому повірили на
тричку" /М.Стельмах/ ср. "... що йому я повірив"; ср. "—Ты
здесь, Иван, ровно болярин в древней вотчине устроился...
Небось и коровка имеется? Вихров нахмурился. — Не улавливал свя-
вя, поясня. Мы тут, в провинции, несколько поотстали от светского
обращения" /Л.Леонов/; ср. "Я ... поотстал"; "А канадзір пальцам
задыў па карце вывазенай Беларускай зямлі...— Г-о мы забулы,
таварыш гвардыі лейтэнант? — пацікавіўся тады сержант Далата.
Максім Вішнёў недаўменная паглядзеў у вочы сержанту. Ён не разумеў,
чаго той хоча. — Я пытаюся, якую злучае высотку?" /И.Грамович/;
ср. "Што вы забулы...".

Парадигма повелительного наклонения состоит из пяти личных
форм в украинском языке и шести личных форм в русском и белорус-
ском. Индивидуальные формы и форма 1-го лица мн.ч. отличаются от
форм 2-го лица ед. и мн.ч. по признакам "одновременное участие/
неучастие говорящего с адресатом": формы "пойдём", "хадзем",
"сіём", "пойдёмте", "сейма" выражают участие говорящего с адре-
сатом; формы "сід", "сідте" и др. выражают лишь участие адресата
и исключают участие говорящего. Различаются индивидуальные формы и
форма 1-го лица мн.ч. по выражению/невыражению расчленения /сід-
мо, пойдёмте, сейма и пойдём, хадзем/. Эти формы отличаются от

формы 1-го лица мн.ч. наст.-будущ. времени значением склонения, а также семантической структурой: они не могут исключать участие адресата и выражать участие говорящего вместе с третьими лицами /ср. с семантической структурой формы 1-го лица мн.ч. наст.-будущ. времени/.

Формы 2-го лица ед. и мн.ч. повелительного склонения /сія, сійте/ объединяются по признакам "участие адресата", "неучастие говорящего" и различаются по выражению/невыражению расчленения /как и соответствующие формы наст.-будущ. времени, которые отличаются от форм повелит. склонения лишь значением склонения/.

Формы 3-го лица ед. и мн.ч. /хай сія, хай сіють/ отличаются от форм 1-2-го лица ед. и мн.ч. и инклюзивных по признакам "неучастие говорящего и адресата" и объединяются по этим же признакам. Различаются между собой формы 3-го лица ед. и мн.ч. по выражению/невыражению расчленения и по возможности для формы 3-го лица ед.ч. невыражения субъекта действия /хай сіятс/. Аналогичную семантическую структуру имеют формы 3-го лица наст.-будущ. времени, отличаясь от соответствующих форм повелительного склонения лишь значением склонения.

Сочетание форм 2-го и 3-го лица ед. и мн.ч. с соответствующими личными местоимениями не изменяет семантической структуры глагольных форм. Употребление местоимений с формами 2-го лица ед. и мн.ч. обусловлено логическими или стилистическими факторами¹, оно необходимо для форм 3-го лица ед. и мн.ч. в связи с их предметно-личным значением, но не всегда возможно для формы 3-го лица ед.ч., которая может исключать участие субъекта /хай гримить/. Поскольку семантическая структура местоимения "ми" не полностью совпадает с семантической структурой инклюзивных форм и формы 1-го лица мн.ч. повелительного склонения, сочетание местоимения "ми" с этими формами возможно /местоимение выражает участие говорящего и может также выражаться вместе с участием говорящего участие адресата/, но ограничивается условием сочетания местоимения "ми"

¹ Сочетание местоимений 1-го и 3-го лица с формой 2-го лица ед.ч. обусловлено ее внеимперативным употреблением - см.: Д.Н.Шмелев, Внеимперативное употребление формы повелительного склонения в современном русском языке, РЯШ, 1961. № 5.

с местоимениями 2-го лица в творительном падеже: ми з тобою, ми з вами ходімо /пойдём, пойдёте, хадзем/.

Формы 2-го лица ед. и мн.ч. в пословицах и рассуждениях общего характера имеют обобщённо-личные значения, как и соответствующие формы наст.-будущ. времени: "Свистити - лягай, просвистіло - вставай", "Найміть мене обідати". Ср. "Дал слово - держи", "Кінь за сабов, дні зна.даеш перад сабов".

Для форм 2-го лица ед. и мн.ч. характерно регулярное переносное употребление, так как они выражают прямое побуждение и являются основными формами повелительного наклонения. Форма 2-го лица ед.ч. употребляется вместо формы 2-го лица мн.ч. при передаче приказов, команд, т.к. выражает побуждение более энергично, интензивно: "Історики, шкуйсь!" - вгадує давінку студбатовську команду" /О.Гончар/; ср. "Черкись, ребята, не тони! /В.Астафьев/; "... закамандаваў Янчукоў" - Хлопцы, рассыпайся па ламачча на касцёр" /Т.Ходкевич/. Форма 2-го лица мн.ч. употребляется вместо формы 2-го лица ед.ч. как традиционная форма вежливости.

Собственно-личное и предметно-личное значения форм 3-го лица ед. и мн.ч., как и соответствующих форм наст.-будущ. времени, определяются в сочетании с именами существительными или другими средствами контекста. Формы 3-го лица ед. и мн.ч. с предметно-личным значением выражают пожелание, а с собственно-личным - не только пожелание, но и приказ: "Іван. Чуєте? Мій Семен здосвіта пріхав в Порт-Артура. Микола. Хай вайде не сьогодні!" /Я.Галан/; "Микола. Семенку, віднині ти бригадир. Сіачі повинні будь-що вийти на роботу. Хай чоловік п'ять охороняють іхнд лева" /Я.Галан/. То же самое в русск. и белор.

Безличность формы 3-го лица ед.ч. повелительного наклонения, как и формы 3-го лица наст.-будущ. времени, обусловлена лексически, морфологически или структурно и выступает как семантико-синтаксический вариант ее предметно-личного значения: " - Некай частити! - гунали вслід Гукові, махавчи хустками, шінки" /С.Чорнобривец/; "Хай тебе колючками до землі припне!" /Г.Тютюняк/; "Няхай лёгка пімацца!" /М.Лукашин/.

Форма 3-го лица мн. числа повелит. наклонения выявляет вариант парадигматического /первичного/ значения - неопределённо-личное - в структурах неопределённо-личных предложений: "Він усе ровкаже ій, передасть листа, і може, тоді... Хай дадуть йому найкраще випробування..." /М.Стельмах/; ср. "Став мастером, он

не торопится снять фартук подмастерья: квалификацию определяет не одежда, а работа, и пусть судят по ней. .его он достиг" /С.Наровчатов/; "Так і сказала? – Так... Хай, кажа, мне залатые горы дакляруюць, за трактарыста замуж не пайду, хату за ім не праветрыш" /Т.Ходкевич/.

Переносное употребление формы 3-го лица мн.ч. повелит. наклонения встречается редко и преимущественно в разговорной речи, в отличие от соответствующей формы настоящ.-будущ. времени.

В третьем разделе диссертации описываются результаты статистического исследования всех личных форм и форм каждой парадигмы в стилях современного украинского языка по сравнению с русским, особенности функционирования личных форм ед. и мн.ч., каждой личной формы в стилях украинского языка в связи с их транспозицией, а также обобщенно-личным, неодределенно-личным и безличным употреблением, функционирование других средств выражения аналогичной семантики и их продуктивность по сравнению с категорией лица глагола; прослеживается зависимость качественных особенностей личных форм и их количественного распространения от потребностей и специфики стиля.

Наше статистическое исследование личных форм основывается на том, что "анализ всех грамматических категорий должен уяснить их относительный функциональный вес в разных стилях литературного языка"¹. Употребление тех или иных языковых единиц обусловлено закономерностями самого языка в целом, каждого стиля в частности, т.е. зависит от цели и содержания высказывания, от жизненной ситуации, индивидуальной манеры говорящего и адресата речи и т.п. Такие свойства текста, которые определяются как языковыми, так и внеязыковыми факторами, могут быть выявлены только статистически.

В работе использована методика статистического исследования, описанная в монографии коллектива исследователей Института языковедения АН УССР им. А.А.Потебни "Статистичні параметри стилів" /К., 1967/.

Для проведения исчисления проанализирован сплошной текст шести структурно-функциональных стилей /проза, поэзия, драматургия, публицистика, научного, официально-делового/ украинского и русского языков длиной по 300000 слов, содержащий соответственно 34472 и 30041 личную форму.

¹ См.: В.В.Виноградов, Современный русский язык, Введение в грамматическое учение о слове, М., 1938, стр. 156.

Количественные характеристики функционирования личных форм даются в 18-ти таблицах статистических оценок. На основании числовых показателей $\bar{x} \pm 2\sigma_x$ построено 50 диаграмм, иллюстрирующих сходство или расхождение стилей по частоте личных форм /пример диаграммы см. ниже/.

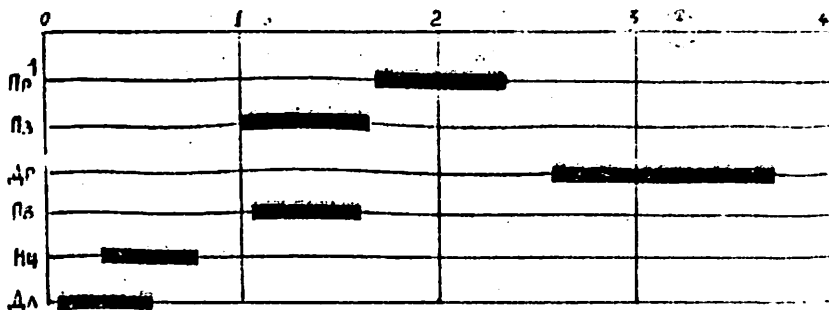


Диаграмма 39. Колебания средних частот формы 3-го лица ед.ч. наст.-будущ. времени с безличным значением.

Вычисленные на основании статистических оценок личных форм показатели критерия Стьюдента и расстояний между стилями отражены в XXX-ти таблицах. Соотношения средних частот употребления личных форм с местоимениями и без них изображены на 11-ти рисунках /пример рисунка см. ниже/.

Полученные статистические данные послужили материалом для сопоставления языка стилей, определения их статистических параметров по частоте личных форм и выявления однородности или расхождений при сохранении точности не ниже 75%.

Анализ количественного распространения личных форм показал, что личные формы глагола довольно активно в стилях современного украинского/и русского/ литературного языка, где они составляют от 5 до 16% текста.

Наиболее насыщены личными формами каждой парадигмы художественные стили, особенно драматургия, что объясняется эмоциональным содержанием² этих стилей вообще и диалогическим характером дра-

¹ Сокращенные обозначения: Пр - проза; Пз - поэзия; Др - драматургия; Пб - публицистика; Нч - научный стиль; Дл - официально-деловой.

² См.: В.В.Виноградов, О теории поэтической речи, ВЯ, 1962, № 2, стр.8,15.

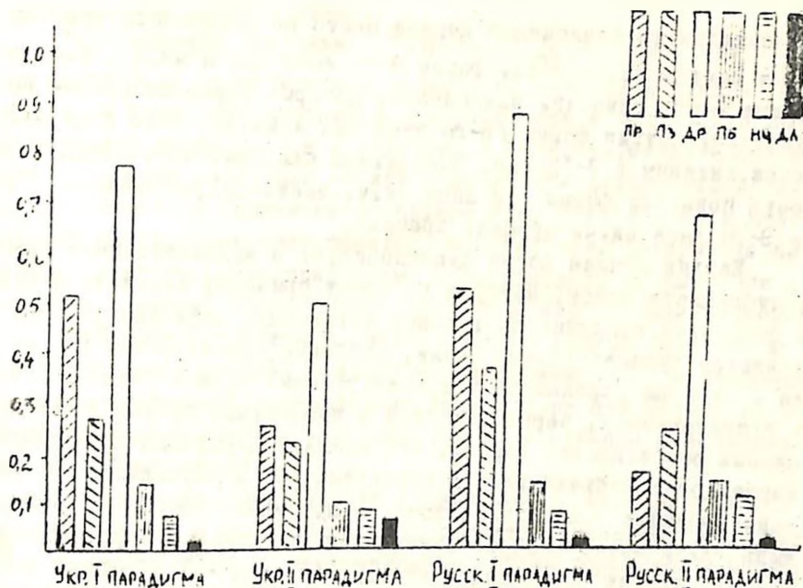


Рис. 2. Соотношение средних частот личных форм наст.-будущ. и прошед. времени в односоставных /и неполных/ и двусоставных предложениях.

матических произведений в частности. Личные формы I и III парадигм преобладают в драматургии, формы II парадигмы - в прозе.

В стилях украинского и русского языков наблюдаются общие тенденции использования личных форм: самую высокую стилистическую способность имеют личные формы повелительного наклонения, среднюю - личные формы прошедшего времени и самую низкую - формы наст.-будущ. времени. Более активными /в 2-4 р./ в стилях украинского языка выступают формы единственного числа всех парадигм по сравнению с формами множественного числа и более эффективными в различении стилей, особенно личные формы повелительного наклонения.

Количественные характеристики каждой личной формы свидетельствуют, что личные формы I и II парадигм выявляют одинаковые закономерности функционирования в стилях: наиболее активны формы 3-го лица ед. и мн.ч., средняя активность свойственна формам 1-2 лица ед.ч., низкая - формам 1-2-го лица мн.ч. Среди личных форм

повелительного наклонения первое место по активности занимает, как и следовало ожидать, формы 2-го лица ед. и мн.ч., т.е. основные формы повелит. наклонения, которые выражают прямое побуждение; другие формы 3-го лица ед. и мн.ч., 1-го лица мн.ч./ менее активны в 7-15 раз. Наибольшую стилиразличительную возможность показали формы 2-го лица ед.ч. наст.-будущ. времени и формы 3-го лица ед.ч. прошед. времени.

Каждая личная форма функционирует в художественных стилях и публицистическом, который по этому признаку сближается с художественными стилями. По высокой активности всех личных форм выделяются художественные стили, особенно драматургия. Факты, мысли и чувства передаются в художественных произведениях, особенно в драматических, через описание в конкретных ситуациях индивидуальных особенностей героев, что находит выражение в различных формах речи /объективной и субъективной/ и обуславливает активное использование всех личных форм. В публицистике только формы 3-го лица ед. и мн.ч. распространены так же, как и в художественных стилях, другие формы имеют низкие частоты, что сближает публицистику с научным стилем. Официально-деловой стиль резко отличается от всех стилей, так как в нем функционируют лишь формы 3-го лица ед. и мн.ч., что объясняется его сурово-объективным характером. По употребительности формы 1-2-го лица научный стиль занимает промежуточное положение между публицистическим и деловым: в нем употребляются с низкими частотами лишь формы 1-2 лица мн.ч. с обобщенно-личными значениями.

Статистическое исследование выявило высокую насыщенность художественных стилей, особенно драматургии, личными формами с переносными /вторичными/ значениями, а также с безличным, неопределенно-личным и обобщенно-личным значениями, что объясняется использованием в этих стилях живой разговорной речи¹, в которой преобладает образность, естественность, яркость при передаче мыслей /Ср. об строгости и однозначности в деловом стиле/.

По активности личных форм в указанных значениях публицистика стоит ближе к художественным стилям, что объясняется ее пропаган-

¹ Об активной роли разговорной речи на литературную см. І.К.Вілодід, Розвиток мов соціалістичних націй, К., 1968, стр.61.

дистским характером и в связи с этим использованием экспрессивно-эмоциональных средств языка.

Употребление глагольных "образных" форм, как и других образных средств, в научном стиле зависит от специфики стиля. Так, безличные формы употребляются в научном стиле чаще всего не со стилистической целью, как и в деловом, а содействуют логическому, доказательному изложению мыслей в безличном плане, что дает основание говорить о безличном характере этих стилей¹. Но в целом научный стиль более экспрессивен, чем деловой, который характеризуется отрицательными признаками - отсутствием личных форм с обобщенно-личным, неопределенно-личным и переносными значениями.

Сравнение соотношения средних частот личных форм без местоимений /в сложносоставных и неполных предложениях/ и с местоимениями дает коэффициент употребления личных форм без местоимений, который указывает определенным образом на тенденции использования их в различных стилях.

Исследование сочетаемости личных форм с местоимениями в стилях украинского и русского языков выявило одинаковые закономерности: 1/ личные формы с местоимениями /кроме форм повелительного наклонения/ преобладают во всех стилях, кроме драматургии, т.е. они уравновешены с личными формами без местоимений; 2/ формы повелительного наклонения преобладают во всех стилях без местоимений; 3/ личные формы без местоимений характерны для художественных стилей; 4/ сочетаемость с местоимениями зависит не только от грамматических значений личных форм /Ср. сочетаемость с местоимениями формы наст.-будущ. времени и неконкретно-личных форм прошед. времени/, но в большей степени от специфики стиля, чем обусловлены функционально-стилевые варианты обобщенной нормы².

В заключении диссертации содержатся выводы:

Анализ семантической структуры личных форм I-II-III-IV парадигмы по ДСП подтверждает правомерность традиционного выделения трех грамматических лиц. Шесть личных форм наст.-будущ. времени объединяются попарно в три ряда, каждый из которых выражает отношение к говорящему, адресату или 3-му лицу. Формы повелительного на-

¹ См.: С.И.К. Урман, Количественный анализ языковых категорий, определяющих качественные особенности стиля, в кн. Вопросы общего и романо-германского языкознания, Уфа, 1964, стр. 265.

² См.: М.Н.Кожина, О функционально-стилистических нормах речи, в кн. Исследования по стилистике, вып.3, Пермь, 1971, стр.42.

клонения также противопоставлены по отношению к трём грамматическим лицам. Специфика грамматического значения повелительного наклонения – обязательное наличие, кроме говорящего–инициатора действия, адресата – обуславливает неполноту его парадигмы /отсутствии формы 1-го лица ед.ч./ и особенную постоянную комбинацию семантических признаков /одновременное участие говорящего с адресатом/, характерную только для формы 1-го лица мн.ч. повелительного наклонения. Формы прошедшего времени, не выражая и не исключая отношения к говорящему и адресату, отличаются от форм наст.–будущ. времени и повелит. наклонения своим неконкретно–личным парадигматическим значением. Они выступают как формы обобщённого лица, конкретные значения которых /1–2–3 лица/ выявляются на синтаксическом уровне и полностью совпадают с личными значениями форм наст.–будущ. времени.

Оппозиционный анализ личных форм по ДСП содействовал чёткому разграничению парадигматических /первичных, прямых/ и синтагматических /вторичных, переносных/ значений личных форм.

Статистический анализ личных форм в шести структурно–функциональных стилях украинского языка по сравнению с русским обнаружил общественно–актуальные значения личных форм, общие тенденции их исполнения в стилях и одинаковые закономерности сочетаемости с личными местоимениями.

х х
х

Найденные статистические характеристики парадигматических и синтагматических значений личных форм свидетельствуют о необходимости дальнейшего исследования их функционирования в разных стилях.

х х
х

Основное содержание диссертации изложено в следующих печатных работах.

1. Прямі і переносні зв'язання особових форм теперішнього–майбутнього часу, ж. "Українська мова і література в школі", 1978, № 8.
2. Граматична особа і персональність /на матеріалі східнослов'янських мов/, ж. "Мовознавство", 1978, № 4.

3. Об изучении способов выражения грамматических значений, "Методика преподавания русского языка и литературы", Республиканский научно-методический сборник, вып. 8, "Радянська школа", Киев, 1973.
4. Безособовість як особлива властивість граматичної особи, ж. "Українська мова і література в школі", 1973, ж II.
5. Структурно-семантична характеристика категорії особи дієслова в українській мові /у порівнянні з російською та білоруською/, сб. "Дослідження з фонетики, граматики, лексики й фразеології", Киев /в печати/.

Лаборатория фото-офсетной печати КГПИ им. А.М. Горького

Пирогова №9 г. Киев . Заказ № 271 Тираж 200 экземпляров